ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ 07.00.02
КОНФЛИКТОЛОГИЯ 23.00.06

УДК 329.3

Кочнев А. В.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: anton.kochnev@urfu.ru

Образ женщины и ее роль в религиозном исламском терроризме на территории Российской Федерации (2000 г. – по настоящее время)

DOI: 10.33693/2658-4654-2020-2-4-63-71

Аннотация. Проблема гендера и женского неравенства является одной из наиболее острых в современном меняющемся мире, особенно ярко проявляющих себя в рамках дискурса по безопасности. Различного рода формы насилия и принуждения в национальных и региональных конфликтах наносят наибольший ущерб женщинам и детям.

Силовой диалог с негосударственными акторами показал, что вопрос о роли женщины в террористических организациях вышел на первый план для Российской Федерации еще в начале 2000-х гг. Исламские религиозные общества Северного Кавказа, ведущие гендерную политику с позиции архаичного патриархального уклада, формируют определенный стереотипный образ женщины, что дает возможность террористическим организациям, основанным на радикальном толковании ислама, использовать женщин в своих интересах, манипулируя и навязывая им определенные паттерны поведения (феномен террористок-смертниц).

Другой важнейшей проблемой является осознанная мотивированная радикализация женщинами своей политической позиции в контексте распространения идей сепаратизма и религиозного экстремизма не только в рамках традиционного религиозного уклада, но и в светских обществах.

Главной целью данной статьи является анализ образа женщины и ее роли в контексте одной из ключевых угроз безопасности современного общества – международного терроризма. Актуализация изменения маскулинного подхода к международной политике призывает искать новые пути решения вопросов глобальной безопасности, обращаясь к проблемам архаичного восприятия образа женщины в традиционных обществах, доминирования религиозного законодательства над светским, влияния вооруженных конфликтов на включенность женщин и детей в повестку террористической угрозы, экстремизма и методам вербовки.

Работа опирается на открытые источники из материалов новостных служб, центров противодействия экстремизму, Федеральной службы безопасности, включающие в себя анкетные данные террористок, интервью с их родственниками и судебные заключения. В анализе использовались данные 91 женщины, тем или иным образом включенной в террористические акты на территории Российской Федерации с 2000 г. Комплексный анализ данных, а также использование методов контент-анализа, позволили существенно дополнить выводы отечественных исследователей о возрасте женщин-террористок, причинах их радикализации, географической привязке женского терроризма в РФ, а также проследить эволюцию образа террористки.

Ключевые слова: гендер, женский терроризм, террористки-смертницы, терроризм, экстремизм, теракт, исламизм, исламский терроризм.

Для цитирования: Кочнев А. В. Образ женщины и ее роль в религиозном исламском терроризме на территории Российской Федерации (2000 г. – по настоящее время) // *История и современное мировоззрение*. 2020. Т. 2. №4. С. 63-71. DOI: 10.33693/2658-4654-2020-2-4-63-71

NATIONAL HISTORY 07.00.02
CONFLICTOLOGY 23.00.06

A. V. Kochnev

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: anton.kochnev@urfu.ru

The depiction of women and their role in religious Islamic terrorism within the territory of the Russian Federation (2000 – present)

Abstract. The gender issue and gender inequality in particular is considered one of the major problems in the changing modern world especially in the discourse of security. Women and children are often the main target of many forms of violence and abuse in national and local conflicts.

Military confrontation with non-state actors has clearly showed that the issue of women in terrorist organizations has come to the foreground for the Russian Federation as early as in the early 2000s.

Islamic religious groups of the North Caucasus, which have been known for their idea of patriarchal society, shape a stereotypical image of women which gives an opportunity for radical Islamic terrorist organizations to take advantage of women manipulating them and forcing certain behavioral patterns on them (the phenomenon of female suicide bombers).

Another critical issue is consciously motivated radicalization political views by those women in order to spread separatism not only among religious society but among secular society as well.

The main aim of this article is the analysis of the depictions of women and their role in the context of the key security threat of the modern society that is international terrorism. The idea that international politics is a male-dominated discipline has been altered making the world search for new ways of addressing global security challenges. This can only be made by re-evaluating women's traditional roles in traditional societies; addressing the issue of religious laws dominating over secular laws; reducing the influence of armed conflicts on women and children being recruited to join extremist groups and terrorist organizations.

The work is based on the open sources from the news, anti-extremism services, Federal Service of National Safety, which include female terrorists' personal data, interviews with their relatives and court reports. The analysis includes the data about 91 women, who were in some way engaged in terroristic acts on the territory of the Russian Federation since 2000. Such complex analysis, along with the methods of content analysis allowed for more substantial conclusions to Russian researchers who studied the age of female terrorists, the reasons for their radicalism, geography of female terrorism in the Russian Federation, as well as to observe how the depiction of female terrorist evolved.

Key words: gender, female terrorism, female suicide bombers, terrorism, extremism, terrorist attack, Islamism, Islamic terrorism.

For citation: Kochnev A. V. The depiction of women and their role in religious Islamic terrorism within the territory of the Russian Federation (2000 – present) // *History and modern perspectives*. 2020. Vol. 2. №4. P. 63-71. **(in Russ.)** DOI: 10.33693/2658-4654-2020-2-4-63-71

С начала 2000-х гг. на территории Российской Федерации было совершено более 27 террористических актов с участием женщин [Speckhard, Akhmedova, 2006, Григорьева, 2013]. Все они так или иначе были связаны с деятельностью исламских радикальных группировок. Неблагоприятная экономическая ситуация, сложная политическая обстановка в условиях постоянных вооружённых конфликтов, сепаратистские настроения становятся благоприятной почвой для формирования радикальных течений и деятельности террористических организаций на Северном Кавказе. Необходимо отметить, что с начала XXI в. именно религия становится одним из главных факторов-катализаторов активизации террористических групп [Weinberg, Eubank, 2011]. В исследованиях о роли религии в контексте суицидального терроризма, как проявления парохиального альтруизма, отмечается, что на одобрение обществом суицидальных террористических актов в первую очередь влияет частота посещений религиозных служб (на 13% выше), а напоминание о богослужении в рамках эксперимента увеличивает частоту

одобрения суицидального терроризма на 23% [Ginges, Hansen, Norenzayan, 2009].

Уже с середины 1990-х гг. XX в. в республиках Северного Кавказа фиксируется рост исламистских течений, принимающих форму религиозного радикализма. Исламские ценности начинают восприниматься как основа возрождения духовности северокавказских этносов [Шарафутдинова, 2011]. Радикальный ислам способствует активной вербовке местного населения, и, в особенности, женщин, чья роль в традиционных мусульманских обществах определяется патриархальным укладом и архаичными религиозными устоями.

Феномен женского терроризма нередко обращал на себя внимание исследователей в свете гендерного подхода. Отводилась особая роль женщине в революционных событиях [Василенко, 1994, Мкртичан, 1991], изучался феномен подпольной деятельности [Шур, 1998] и вопросы религиозных мотивов [Будницкий, 2005]. Женскому терроризму посвящено большое количество исследований, среди которых выделяются крупные работы отечественных [Адамова, 2007, Новикова, 2017 и др.] и зарубежных исследователей [Speckhard, Akhmedova, 2006], а также публицистические работы журналистов [Юзик, 2003].

На сегодняшний день дискурс ведется не только на стыке социологического, политологического и юридического аспектов [Сундиев, 2008], но также отдельное внимание уделяется составлению психологического портрета террористки [Степнов, 2015, Бакин, Липский, 2016].

Однако, несмотря на большое количество работ, нельзя говорить о разрешении проблемы включенности женщин в исламский терроризм. Практически отсутствуют фундаментальные исследования, посвященные проблемам вербовке женщин-террористок и их статусу в террористических организациях [Адамова, 2007].

На сегодняшний день идеологическое противостояние светского европейского и религиозного мусульманского миров достигло уровня острой конфронтации, что делает особенно актуальной тему того, какую роль будет играть образ женщины в контексте возрастающей террористической угрозы.

В конце XX в. в рамках феномена женского терроризма все большую актуальность начинает приобретать «суицидальный» характер этого феномена. В 90-х гг. «суицидальный» женский терроризм распространяется на Израиль, Индию, Панаму, Алжир, Пакистан, Аргентину, Хорватию, Турцию, Танзанию и Кению, а также активно проникает в Северную Америку и Западную Европу [Пащенко, 2018: 93]. На рубеже XX – XXI вв. наблюдается значительный рост процента женщин в составе международных террористических организаций [Марьин, Касперович, 2012: 6]. Именно поэтому перед исследователями также актуализируется вопрос изучения и понимания феномена женского суицидального терроризма на региональном уровне [Лактионова, 2014].

В вопросах обсуждения роли и образа женщины в рамках террористических угроз на территории РФ ключевое значение играет понимание процессов радикализации ислама на Северном Кавказе, когда после распада Советского Союза в 1991 г. чеченские националисты начали активно бороться за независимость республики. Несмотря на политически мотивы отделения, в них также присутствовал религиозный подтекст, поддерживаемый мусульманскими сепаратистами под влиянием идей воинствующих ваххабитов, почерпнутых из Саудовской Аравии [Weinberg 2011: 39].

На территории современной России по данным на 31 августа 2020 г. запрещенными являются 33 террористических организации, среди которых можно выделить созданные на территории России исламские террористические организации: «Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа», «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана», «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»), «Чистопольский Джамаат», «Ахлю Сунна Валь Джамаа» («Красноярский джамаат»)[1].

Рост террористической угрозы со стороны исламистских радикалов Северного Кавказа на территории Российской Федерации в начале 2000-х гг. совпал с увеличением включенности женщин в террористические акты. Это обусловлено целым рядом факторов:

Во-первых, включенность женщин в терроризм можно объяснить общей тенденцией феминизации в рамках признания равенства между мужчиной и женщиной – т.е. возможность женщины участвовать в войне и погибнуть наравне с мужчиной [Чудинов, 2010]. В этом контексте женщинам, как и мужчинам, свойственны одинаковые мотивы участия в террористических актах, в том числе включающие в себя и защиту страны [Ким, 2006].

Во-вторых, нарушение личностной самоидентификации и, как следствие, политический (потребность в изменении политической системы, обретение новой политической идеи) и религиозный (образ мученицы, героини) фанатизм [Степнов, 2015].

В-третьих, экстремальные условия постоянной войны и гибель мужчин в боевых действиях приводят к постепенному разрушению и смешению женских и мужских социальных ролей, свойственных традиционным обществам [Пащенко, 2018: 96]. Это вынуждает женщин занимать позиции социальных лидеров, а желание мести становится одним из ключевых мотивов включенности в терроризм.

В-четвертых, консервативное понимание роли женщины в традиционных исламских религиозных обществах способствует использованию женщин исламскими радикалами в качестве живого оружия. Как отмечает И. А. Ким: «Роль ислама в маргинализации и обесценивании женщин велика, причём дискриминационный характер отношения к женщинам осуществляется не только с помощью религиозных ритуалов, но и посредством создания базовых мифов, догм и концептуальных схем. Женщина, изначально воспитанная в духе покорности мужчине, готова к исполнению мужских указаний, вплоть до отказа от своей жизни и совершения убийств невинных людей. В этой связи религия играет чрезвычайно важную роль в запрещении или участии женщин в террористических действиях» [Ким 2006: 70].

Дискуссия о феминизации России и Северного Кавказа в контексте исламского терроризма остается открытой, некоторыми исследователями отмечается, что говорить о феминизации данного региона рано, так как в нем большую роль продолжают играть основы традиционного общества [Лактионова 2014: 112]. Стереотипный образ женщины, не ассоциирующийся в социуме с ведением боевых действий или

[1] Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // ФСБ РФ от 31 августа 2020 г. [Электронный ресурс.] URL: http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm (Дата обращения:30.10.2020)

совершением преступлений, позволил исламским террористам использовать женщин не только в роли «живых бомб» в начале 2000-х гг., но и в качестве транспортировщиков оружия в последующем десятилетии[2].

В данном контексте ключевую роль начинает играть понимание образа женщины, а также того, какую роль она играет в рамках включенности в исламский терроризм. Исследователи составляют точный психологический портрет женщины-террористки, основываясь на анализе личных данных. Так А. П. Степнов, выделяет два типа террористок: смертницы и персонально-мотивированные террористки [Степнов, 2015: 222].

К первому типу относятся фанатично настроенные женщины, воспитанные в условиях культа мужчины (готовые к исполнению любых мужских приказов), имеющие в мотивах месть за мужа и/или брата, имеющие врожденные или приобретенные серьезные психические или физические отклонения, имеющие низкий уровень образования, склонность к самопожертвованию, склонные к поиску собственной идентичности. Любопытно отметить, что религиозность в данном контексте в меньшей степени влияет на мотивацию террористок [Адамова, 2007].

Ко второму типу относятся женщины с заниженным чувством ценности своей и чужой жизни, подвергшиеся сексуальному насилию, имеющие психологическую травму, связанную с потерей близки, склонные к одиночеству, социальные аутсайдеры, подверженные действию психотропных препаратов [Адамова, 2007, Соснин, 2010, Марьин, Касперович, 2012, Степнов, 2015].

В работе Бакина А.А., Липского Н.А. психолого-психиатрический портрет составлен более подробно. Исследователями выделяется 7 типов личности женщины-террористки:

- универсальный агрессивно-насильственный тип;
- агрессивно-ролевой тип;
- корыстно-насильственный тип;
- условно- агрессивный (зависимый, неустойчивый) тип;
- ситуационный тип;
- субкультурный (криминально-идеологический) агрессивный тип;
- насильственно-психопатологический тип.

А также дается общая характеристика психологических особенностей женщины-террористки:

- дихотомическое мышление (жесткое деление окружающих на своих и чужих);
- снижение уровня эмпатии;
- неспособность идентифицировать себя с другими людьми;
- неуверенность и беспокойство за своё существование в связи с постоянным ощущением враждебности со стороны окружающих;
- наличие акцентуации или психопатизации личности;
- повышенную внушаемость и «размытость границ» между реальностью и фантазией (мифологизация террористической деятельности);
- формирование соответствующей системы иррациональных, деструктивных, антигуманных ценностей [Бакин, Липский, 2016: 25].

Подробный анализ образа и роли женщины в контексте исламского терроризма с учетом разных количественных и качественных показателей представлен в работах О.Ю. Ильченко [Ильченко, 2016], М.А. Лактионовой [Лактионова, 2014], М.А. Григорьевой [Григорьева, 2013], а также зарубежных исследованиях А. Спекхард и Х. Ахмедовой [Speckhard, Akhmedova, 2006].

Работа А. Спекхард и Х. Ахмедовой, опубликованная в 2006 г. в Тель-Авивском университете, включает в себя серьезный статистический анализ больших объемов информации, связанных с участием женщин в террористических актах на территории Центральной России и Северного Кавказа с июня 2000 г. по июнь 2005 г., что позволяет исследовательницам сделать ряд значимых выводов о социально-экономическом статусе женщин, включенных в исламский терроризм, их уровне образования и семейном положении.

Было проанализировано 47 женщин (43% из 100% участников теракта), тем или иным образом имевших отношение к террористическим актам на территории России в обозначенный хронологический период, из которых 26 женщин были проанализированы более подробно в рамках составления демографического портрета.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что в рамках семейного положения только 5 женщин являлись вдовами, 3 состояли в браке и имели детей, 4 были разведены, 1 состояла в браке повторно и 13 были одиноки. В рамках образования 65,3% закончили среднюю школу (17), 11,5 % обучались в колледже (3), 4% закончили колледж (1), 19,2% получили высшее образование (5). В рамках социально-экономического положения только 2 женщины были отнесены исследовательницами к бедствующим, а к хорошему и высокому экономическому положению соответственно были отнесены 9 и 1. При этом 100% женщин были отнесены к ваххабизму после психологической травмы от потери близких или вовлечены туда семьей [Speckhard, Akhmedova, 2006: 64-70].

Данное исследование впервые позволило по-новому взглянуть на образ женщины-террористки не только как социального аутсайдера, а как женщины, имеющей потенциально высокий социальный статус, но, тем не менее, решающейся на участие в теракте.

Расширяет границы понимания образа и роли женщины-террористки исследование М.А. Григорьевой, во многом опирающееся на данные А. Спекхард и Х. Ахмедовой, также рассматривающее данный феномен на территории РФ, но в более широком временном диапазоне: 2000 – 2010 гг. Несмотря на увеличение количественных показателей (в анализ были включены 53 женщины, или 46% из 100% участников теракта) М.А. Григорьева не делает каких-либо выводов, существенно дополняющих или меняющих выводы А. Спекхард и Х. Ахмедовой, акцентируя внимания лишь на том, что «участие северокавказских женщин (в отличие, в частности, от палестинских, движимых, прежде всего, стремлением к устранению жестких форм гендерной дискриминации) мотивировано чувством мести, требованиями социальной справедливости и национальной независимости» [Григорьева, 2013: 113].

Еще одним исследованием, заслуживающим внимания при анализе феномена женского исламского терроризма, является работа М.А. Лактионовой [Лактионова, 2014]. Основываясь на анализе 20 уголовных дел за 2012-2013 гг. по «территории Республик Адыгея, Дагестан, Кабардино-Балкарской Республики, Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области, где главными фигурантами яв-

[2] Бомбе закрыли въезд в Северную Осетию Силовики считают, что перехватили автомобиль смертниц // Газета «Коммерсантъ» 02.05.2012 [Электронный ресурс.] URL: https://www.kommersant.ru/doc/1927315 (Дата обращения:02.11.2020)

ляются женщины, обвиняемые в совершении преступлений экстремистской направленности» [Лактионова, 2014: 111], автор разделяет женщин на 4 категории:

1. Молодые женщины от 18 до 26 лет (72%), состоящие в «мусульманском браке»;
2. Вербовщицы – женщины 40 – 55 лет (9%), имеющие педагогическое образование и работающие в публичных местах;
3. Экстремистки, развивающие в социальных сетях идеи родственников-мужчин;
4. Непосредственные участницы террористических актов.
5. (На возрастную категорию от 26 до 40 лет приходится 19% женщин)

При этом М.А. Лактионова отмечает, что 90-100% женщин, включенных в исследование, имеют навыки работы в интернете.

Касательно семейного положения автор приводит следующие данные: 12% женщин состояли в официальном браке, 4% находились в разводе, а подавляющее большинство (82%) находились в так называемом «мусульманском браке» [Лактионова, 2014: 114].

Феномен «мусульманского» или «шариатского» брака представляет собой нерегулируемые законодательством отношения между мужчиной (чаще всего боевиком) и женщиной (потенциальной террористкой), основывающиеся на вольной интерпретации норм шариата и подразумевающие различные формы полиамории между «женой» и другими членами террористической группировки («братьями»). Главной особенностью такого «брака» является практически гарантированная невозможность женщины к возвращению в русло традиционной семейной жизни, ее неприятие в обществе, что ставит женщину на единственный возможный путь мести за погибшего «мужа» и повторные «браки».

Социальные позиции аутсайдера, традиционные насильственные методы «кражи невест», консервативный семейный уклад и общественное неодобрение добрачных сексуальных контактов не только могут подтолкнуть женщину к вступлению в «шариатский брак», но и продиктовать ей дальнейший путь включенности в экстремистскую и/или террористическую деятельность.

Особое место занимает традиция добровольного вступления в «мусульманский брак», набирающая популярность не только среди мусульманок, склонных по различным причинам к поиску «мужа» в радикальной исламской среде, но и среди женщин, имеющих светское воспитание и не являющихся носительницами традиционных мусульманских ценностей. Данный феномен тесно связан с вербовочной деятельностью и указывает на возрастающее влияние культуры исламского радикализма за пределами традиционных обществ.

О.Ю. Ильченко в своей работе акцентирует внимание на делении женщин-террористок в рамках двух групп по мотивам их включенности в террористические акты.

Первая группа – женщины, сделавшие «самостоятельный выбор в пользу террористической деятельности (особенности психоэмоциональной сферы, желание заработать);

Вторая группа – принудительное вступление женщин в террористические организации (шантаж, прямое принуждение мужа, религиозного лидера, манипуляции желанием отомстить за смерть близкого» [Ильченко, 2016: 134].

Основные выводы исследователей представляются логичными, однако требуют существенных подтверждений статистическими данными.

Работа опирается на открытые источники из материалов новостных служб[3], центров противодействия экстремизму[4], Федеральной службы безопасности[5], включающие в себя анкетные данные террористок, интервью с их родственниками и судебные заключения. В анализе использовались данные 91 женщины, тем или иным образом включенной в террористические акты на территории Российской Федерации с 2000 г. В анализ не были включены данные уголовных дел, связанных с обвинением в экстремизме, а также категория уголовных дел с террористической окраской, не дающая информации о фигурантах, в силу сокращения количественных показателей включенности женщин в террористические акты на территории РФ после 2013 г. Так например на территории Свердловской области с 2011 по 2018 г. был зафиксирован всего один случай уголовного дела, фигурантом которого выступало лицо женского пола [Мединцев, Старостин,2019].

В общее число данных также были включены женщины, осужденные как потенциальные террористки (11 человек), задержанные при подготовке теракта (см. например дело Зары Муртазалиевой[6]) (в том числе возвращенные с территории Сирии и Ирака (6 человек), а также осужденные за попытку покинуть территорию РФ и примкнуть к террористической организации (дело Варвары Карауловой[7]).

Как отмечает И.В. Пащенко, «к 2018 г. на территории РФ основной угрозой выступает существование «спящих ячеек» […], а также вероятность возвращения наших граждан, как мужчин, так и женщин, принимавших участия в военных действиях на территории Сирии. При этом наибольшую опасность представляет рост числа преступлений, совершенных одиночками, как мужчинами, так и женщинами, вдохновленными идеями ИГ» [Пащенко, 2018: 99].

В контексте анализа феномена женского терроризма рост популярности идей запрещенного в России Исламского государства представляет угрозу распространения среди женщин форм «мусульманского брака» с боевиками и, как следствие, вступления в ряды террористической организации.

На сегодняшний день исследователями условно выделяется так называемый «синдром Варвары Карауловой», связан-

[3] РИА Новости [Электронный ресурс.] URL: https://ria.ru/ (Дата обращения: 11.10.2020)
Газета «Коммерсантъ» 02.11.2020 [Электронный ресурс.] URL: https://www.kommersant.ru/ (Дата обращения: 29.09.2020)
Кавказский Узел [Электронный ресурс.] URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/ (Дата обращения: 31.10.2020)
Русская служба BBC [Электронный ресурс.] URL: https://www.bbc.com/russian (Дата обращения: 27.08.2020)

[4] Национальный антитеррористический комитет [Электронный ресурс.] URL: http://nac.gov.ru/terrorizmu-net.html (Дата обращения: 30.10.2020)

[5] Федеральная служба безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс.] URL: http://www.fsb.ru/ (Дата обращения:30.10.2020)

[6] ЕСПЧ повторно отказал осужденной за подготовку теракта в «Охотном ряду» // Газета «Коммерсантъ» 18.12.2018 [Электронный ресурс.] URL: https://www.kommersant.ru/doc/3834655 (Дата обращения:05.11.2020)

[7] Дело Варвары Карауловой: любовь, ислам и три несостоявшихся замужества // BBC News | Русская служба 17.11.2016 [Электронный ресурс.] URL: https://www.bbc.com/russian/features-38019006 (Дата обращения:25.10.2020)

* «Исламское Государство» признана террористической организацией на территории Российской Федерации.

ный с моделью бегства человека от реальности [Доронин, Федорова, 2016]. Заручившись поддержкой более понимающих и сочувствующих людей, в роли которых выступают вербовщики или действующие боевики, человек начинает испытывать чувства привязанности и любви к ним, что снижает его способность критически воспринимать реальность и толкает на радикальные поступки.

Так среди причин радикализации женщин и включенности их в исламский терроризм на первый план выходит именно отношения с боевиком (см. диаграмма 1). В рамках анализа в данную категорию были отнесены женщины, находящиеся в официальном браке, сожительствующие и/или состоящие в «мусульманском (шариатском) браке» с боевиком. Даже при учете того, что часть женщин, находившихся в «шариатском браке» или отношениях с боевиком, были распределены в категории «Месть» (в т.ч. за погибшего мужа), «Семейный радикализм» (в т.ч. отношения семьи с ваххабитами и последующее замужество) и «Самомотивация» (работа вербовщицей, корыстные мотивы, высокое положение в структуре ячейки) – именно отношения мужчинами-членами террористической организаций сделали возможным включение женщин в деятельность той или иной группировки.

Диаграмма 1. Причины женской радикализации

Особенно ярко эти данные коррелируют с возрастными показателями женщин, включенных в террористическую деятельность (см. диаграмма 2).

Диаграмма 2. Возраст женщин, включенных в исламский терроризм

На первое место выходит категория молодых женщин (18-25 лет, 32%), наиболее подверженных влиянию боевиков и наиболее уязвимых по отношению к социальному неодобрению.

Вторая категория – молодые женщины до 35 лет (21%), также являющиеся потенциальными женами террористов. Особое место занимает довольно высокий процент несовершеннолетних девушек (11%), большинство из которых – смертницы –также состояли в связи с боевиками.

Смертницы закономерно занимают наибольший процент среди женщин-террористок (45%). К ним относятся женщины, совершившие самоподрыв в результате запланированного теракта, в ходе задержания, а также при подготовке к теракту (см. диаграмму 3). Отдельные категории женщин-террористок, не успевших и/или не сумевших совершить подрыв, были убиты при задержании (28%) или задержаны при подготовке (13%), а также в отдельную категорию выделяются так называемые потенциальные террористки (12%), задержанные по возвращении с территорий, находящихся под контролем международных террористических организаций.

Диаграмма 3. Включенность женщин в теракт

В ходе исследования также был отмечено, что из общего количества проанализированных женщин есть данные о, как минимум, 5 женщинах, занимавшихся вербовкой. У 8 из проанализированных было высшее или неоконченное высшее образование, кроме того, было точно установлено наличие детей у 9 женщин, у 3 – известен факт беременности. Эти данные позволяют дополнить выводы А. Спекхард и Х. Ахмедовой.

Вопрос территориальной привязки также является актуальным в рамках анализа образа и роли женщины в исламском терроризме на территории Российской Федерации (см. диаграмму 4).

Диаграмма 4. География распространения женского терроризма в РФ

Вопреки устойчивому стереотипному мнению о том, что территорией распространения исламского терроризма являются регионы Северного Кавказа, включенность женщин в теракты на территории РФ наиболее сильно проявляется на территории Москвы, что, вероятно, связано с упомянутым ранее фактором использования боевиками женщин, как менее приметных и не ассоциирующихся с угрозой.

В статистические данные по географии не были включены женщины, осужденные за попытку покинуть территорию РФ и примкнуть к террористической организации (1), а также женщины, возвращенные с территории Сирии и Ирака (6). Проблема возвращения женщин и детей с территорий, находящихся под контролем запрещенного в РФ Исламского государства, стала наиболее актуальной в 2017 г., когда статус «возвращенных» женщин был переквалифицирован российскими органами безопасности в статус «потенциальных террористок», а на некоторых из них были заведены уголовные дела (см. дело Загидат Абакаровой и Муслимат Курбановой)[8]. В роли потенциальных террористок также могут выступать женщины, обвиненные в пособничестве террористам, а также обвиненные в финансировании терроризма.

В настоящее время вопрос о роли и образе женщины, включенной в исламский терроризм, до сих пор остается дискуссионным. Отдельным пунктом стоит рассматривать восприятие таких женщин обществом и изменение образа в общественном сознании.

Понятия «черная вдова» и «шахидка» к 2020 г. постепенно начинают утрачивать свою актуальность, стереотипный образ радикальных исламисток, стоящий за этими терминами, не может одномоментно исчезнуть из общественного сознания. Несмотря на то, что после 2010 г. в повестке радикального ислама появляется такое понятие как «русский ваххабизм», а женщины, включенные в теракты, все чаще становятся носителями «славянской внешности» и «русских» имен, замененных на мусульманские (например Алла Сапрыкина и Инна Черенкова более известные как Аминат Курбанова и Марьям Шерифова), образ женщины-террористки не спешит меняться. Так в 2016 г. опрос граждан Российской Федерации, проживающих на территории Республики Татарстан, в возрастном диапазоне от 20 до 30 лет, показал, что восприятие женщины, как не несущей никакой опасности, был навсегда изменен, а также плотно слился с образами радикального ислама: террористка-смертница обязательно будет в черной одежде, а лицо – закрыто платком; «шахидки» – это религиозные фанатки, умирающие за ислам, им свойственно агрессивное поведение, навязанное им в «лагерях смертниц» [Доронин, Федорова, 2016: 175]. Подобный образ, сформировавшийся в период активной деятельности террористок-смертниц, может мешать культурному диффузионизму, а мусульманские женщины могут ассоциироваться у европейцев с угрозой.

Сегодня происходит трансформация образа и роли женщины-террористки на территории РФ, на смену образа «шахидки» приходит образ «потенциальной террористки», «сообщницы», «спонсора», «лишней женщины».

Новый образ женщины-террористки также может содержать в себе и обновленные мотивационные схемы включенности в исламский терроризм:

1. Неудовлетворенность проводимой политикой и существующими культурными ценностями побуждает европеек все чаще обращаться к исламу, как наиболее простому способу получения удовлетворения от жизни и социального одобрения в рамках исполнения ритуальной обрядности и догм;
2. Поиск собственной идентичности в современном мире глобального культурного «плавильного котла» вынуждает женщин (в т.ч. из светских обществ) искать связь с традиционными культурами, где существует четкое функциональное деление на «мужское» и «женское»;
3. В регионах с низким уровнем женского образования, где главенствующим социальным институтом выступает религия, возрастает вероятность одобрения радикального ислама, как способа противостояния «чуждым» ценностям глобальной культуры.

Важную роль во включении женщин в исламский терроризм по-прежнему занимает институт «мусульманского брака». Упомянутый «синдром Варвары Карауловой», а также активная деятельность вербовщиков в социальных сетях представляет серьезную угрозу для обозначенных возрастных групп риска.

Неудачные любовные связи или взаимоотношения с боевиком/исламским радикалом/террористом ставят женщину под угрозу социального порицания, что негативным образом может сказаться на ее дальнейших решениях, относительно своей роли в исламском терроризме.

Предотвращение включения женщин в исламский терроризм является серьезным вызовом глобального мира, где на

[8] В руинах халифата. Можно ли вернуть на родину женщин и детей, застрявших в сирийских лагерях? // BBC News | Русская служба 27.08.2020 [Электронный ресурс.] URL: https://www.bbc.com/russian/features-53906398 (Дата обращения:29.10.2020)

первый план выходит значение образования, критического мышления, просветительской деятельности, этнической самоидентификации и самодостаточности, развитой экономики и грамотной социальной политики.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность 91,6%.

Список литературы:

1. Адамова М.А. Женский терроризм в современном политическом процессе: Дис. ... канд. полит. наук. Пятигорск. 2007. 166 с.
2. Бакин А.А., Липский Н.А. Женщины-террористки: психолого-психиатрический и криминологический анализ // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 3. С. 19–25.
3. Будницкий О. Терроризм и террористы // Знание – сила. 2005. № 1. С. 28-29.
4. Василенко А. Апокалипсис терроризма // Молодая гвардия. 1994. № 2. С. 159-165.
5. Гарунова Н.Н. Религиозный фанатизм в молодежной среде и социопсихологический портрет террористки-смертницы на северном Кавказе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №. 8. С. 60-71.
6. Григорьева М.А. Женская причастность к гомицидальному терроризму в северо-кавказском федеральном округе: политологический анализ // Kant. 2013. № 1 (7). С. 110-114.
7. Доронин С.П., Федорова К.В. Феномен женского терроризма и проблема его интерпретации в обществе // Казанский педагогический журнал. 2016. №3. С. 172-176.
8. Ильченко О.Ю. Женщины и террор: участие женщин в террористическом движении // Вестник Института социологии. 2016. № 17. С. 130-141.
9. Ким И. А. Гендерное неравенство в исламе: женский терроризм // Аналитика культурологи. 2006. Вып. 2 (6). С. 66-74.
10. Лактионова М. А. Особенности женского терроризма: региональный аспект // Вестник АГУ. 2014. Вып. 4 (148). С. 108-116.
11. Марьин М.И., Касперович Ю.Г. Психология террористов-смертниц // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 1 (48). С. 6–10.
12. Мединцев И.И., Старостин А.Н. Причины вовлеченности отдельных мусульман Свердловской области в террористическую деятельность (по материалам возбужденных УФСБ России по Свердловской области уголовных дел по статьям террористического характера) // Исламоведение. 2019. Т. 10, № 4. С. 59-71
13. Мкртичян А. «Не убий»: очерк истории индивидуального террора в России // Народный депутат. 1991. № 17. С. 122-127.
14. Новикова О.Н. Женщины в ИГ*.// Проблемы европейской безопасности. Сборник научных трудов. Сер. «Европа XXI век». 2017. С. 103-123.
15. Пащенко И.В. Феномен «женского суицидального терроризма» на Северном Кавказе: генезис и трансформация // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 3. С. 90-102.
16. Соснин В.А. Современный терроризм и проблема мотивации террористов-смертников // Национальный психологический журнал. 2010. № 2 (4). С. 52-55.
17. Степнов А.П. Акмеологические стратегии профилактики проявлений экстремизма с участием женщин // АКМЕОЛОГИЯ. 2015. № 2 (54). С. 221-227.
18. Сундиев И.Ю. Террористическое вторжение: криминологические и социально- политические аспекты проблемы: Монография. М.: ВНИИ МВД России, 2008. 114 с.

Reference list:

1. Adamova M.A. Female terrorism in modern political process. Dissertation of cand. of polit. sciences. Pyatigorsk, 2007, 166 p.
2. Bakin A.A., Lipsky N.A. Women-terrorists: psychological, psychiatric and criminological analysis // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2016. № 3. P. 19–25
3. Budnitsky O.V. Terrorism and terrorists // Znanie – sila. 2005. № 1. C. 28-29.
4. Vasilenko A. Apocalypse of terrorism // Molodaya gvardiya. 1994. № 2. P. 159-165.
5. Garunova N.N. Religious fanaticism among the youth and the sociopsychological portrait of a female suicide bomber in the North Caucasus // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2015. №. 8. P. 60-71.
6. Grigorieva M.A. Women's involvement in the homicidal terrorism in the North-Caucasian federal district: political and legal analysis // Kant. 2013. № 1 (7). P. 110-114.
7. Doronin S.P., Fedorova K.V. Female suicide bomber phenomenon and the problem of its interpretation in social life // Kazanskij pedagogicheskij zhurnal. 2016. №3. P. 172-176.
8. Ilchenko O.Y. Women and terror: women's participation in the terrorist movement // Vestnik Instituta sociologii. 2016. № 17. P. 130-141.
9. Kim I. A. Gender inequality in Islam: female terrorism // Analitika kul'turologi. 2006. Vyp. 2 (6). P. 66-74.
10. Laktionova M. A. Features of female terrorism: a regional aspect // Vestnik AGU. 2014. Vyp. 4 (148). P. 108-116.
11. Marin M.I., Kasperovich Y.G. The psychology of female suicide bombers // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2012. № 1 (48). P. 6–10.
12. Medintsev I.I., Starostin A.N. The Causes of Muslims Participation in Terrorist Activities in Sverdlovsk Oblast (Based on the Materials of Anti-terrorism Cases Initiated by the Federal Security Service Agency) // Islamovedenie. 2019. T. 10, № 4. P. 59-71
13. Mkrtichyan A. «Thou shalt not kill»: an outline of the history of individual terror in Russia // Narodnyj deputat. 1991. № 17. P. 122-127.
14. Novikova O.N. Women in ISIS // Problemy evropejskoj bezopasnosti. Sbornik nauchnyh trudov. Ser. «Evropa XXI vek». 2017. P. 103-123.
15. Pashchenko I.V. The Phenomenon of «female suicide terrorism» in the Northern Caucasus: genesis and transformation // Novoe proshloe / The New Past. 2018. № 3. P. 90-102.
16. Sosnin V.A. Modern terrorism and problem of suicide bombers' motivation // Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal. 2010. № 2(4). P. 52-55.
17. Stepnov A.P. Acmeological strategies to prevent women-engaged extremist movements // AKMEOLOGIYA. 2015. № 2 (54). P. 221-227.
18. Sundiev I.Y. Terrorist intrusion: criminological and socio-political aspects of the problem. Monograph. Moscow.: VNII MVD, 2008. 114 p.

* «Исламское Государство» признана террористической организацией на территории Российской Федерации.

19. Чудинов С.И. Терроризм смертников: проблемы научно-философского осмысления (на материале радикального ислама). М.: Флинта: Наука, 2010. 312 с.
20. Шарафутдинова Э. Женский терроризм в контексте исламского интегризма // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2011. № 4. С. 170-180.
21. Шур А. У террора женское лицо? // Родина. 1998. № 3. С. 73-78.
22. Юзик Ю. Невесты Аллаха. Лица и судьбы всех женщин-шахидок, взорвавшихся в России. М.: Ультра Культура, 2003. 224 с.
23. Ginges, J., Hansen, I., Norenzayan, A. Religion and support for suicide attacks // Psychological Science. 2009. V. 20. P. 224-230.
24. O'Rourke L. What's special about female suicide terrorism? // Security Studies. 2009. № 18 (4). P. 681-718.
25. Speckhard A., Akhmedova K. Black Widows: The Chechen Female Suicide Terrorists // Female Suicide Bombers: Dying for Equality / Ed. By Y. Schweitzer. Tel Aviv: Jaffee Center for Strategic Studies, Tel Aviv University, 2006. P. 63-81.
26. Weinberg L., Eubank W. Women's Involvement in Terrorism // Gend. Issue. 2011. №28. P. 22-49.

19. Chudinov S.I. Suicide terrorism: the problems of scientific and philosophical interpretation (based on radical Islam). Moscow: Flinta: Nauka, 2010. 312 p.
20. Sharafutdinova E. Female terrorism in the context of Islamic integrism // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. 2011. № 4. P. 170-180.
21. Shur A. Does terror have a female face? // Rodina. 1998. № 3. P. 73-78.
22. Yuzik J. Brides of Allah. Faces and destinies of all female suicide bombers and black widows exploded in Russia. Moscow: Ultra Cultura, 2003. 224 p.
23. Ginges, J., Hansen, I., Norenzayan, A. Religion and support for suicide attacks // Psychological Science. 2009. V. 20. P. 224-230.
24. O'Rourke L. What's special about female suicide terrorism? // Security Studies. 2009. № 18 (4). P. 681-718.
25. Speckhard A., Akhmedova K. Black Widows: The Chechen Female Suicide Terrorists // Female Suicide Bombers: Dying for Equality / Ed. By Y. Schweitzer. Tel Aviv: Jaffee Center for Strategic Studies, Tel Aviv University, 2006. P. 63-81.
26. Weinberg L., Eubank W. Women's Involvement in Terrorism // Gend. Issue. 2011. №28. P. 22-49.

Статья поступила в редакцию 14.10.2020, принята к публикации 05.11.2020
The article was received on 14.10.2020, accepted for publication 05.11.2020

РЕЦЕНЗИЯ

на статью кандидата исторических наук, доцента А.В. Кочнева «Образ женщины и ее роль в религиозном исламском терроризме на территории Российской Федерации (2000 г – по настоящее время)»

Проблематика участия женщин в деятельности террористических организаций привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей, а также весьма серьезно рассматривается в органах, занимающихся практическим противодействием терроризму. При этом, как отмечают ведущие исследователи проблем безопасности через призму феминистских подходов – например, Лаура Шоберг, Кэрон Джентри, Грейс Кук, Стейси Рейтер Нил – зачастую упускается из виду принципиальное различие гендера и пола и неизбежная гендерность любых властных отношений. В этом отношении следует отметить, что в статье А.В. Кочнева ставится цель проанализировать образ и роль женщины в терроризме, причем автор признает актуальность задачи изменения маскулинного подхода к данной проблеме мировой политики.

Автор статьи достаточно глубоко и подробно разбирает работы отечественных исследователей, посвященные различным аспектам вовлечения женщин в деятельность террористических организаций, декларирующих свою приверженность исламу, использует отдельные работы зарубежных ученых, привлекает данные Национального антитеррористического комитета и Федеральной службы безопасности. Статья в целом представляется логичной, убедительной, дает представление об идущей трансформации образа террористки.

В качестве критических замечаний, носящих, впрочем, рекомендательный характер, считаю уместным привести следующее:

– Неясно, на основании каких источников созданы приводимые автором диаграммы;
– В число рассматриваемых исследователей данной проблематики не включены такие значительные фигуры как С.М. Маркедонов, А. Стэк-О'Коннор, М. Гонсалес-Перес.

Считаю, что статья А.В. Кочнева «Образ женщины и ее роль в религиозном исламском терроризме на территории Российской Федерации (2000 г – по настоящее время)» написана на актуальную тему и рекомендую ее для публикации в журнале «История и современное мировоззрение».

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры лингвистики
и профессиональной коммуникации
на иностранных языках УрФУ
Победаш Дмитрий Иванович

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кочнев Антон Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация, AuthorID: 831126, e-mail: anton.kochnev@urfu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anton V. Kochnev, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, AuthorID: 831126, e-mail: anton.kochnev@urfu.ru